

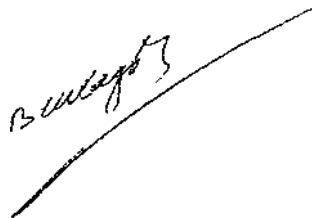
на правах рукописи

ШВЕДОВ Вячеслав Геннадьевич

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Специальность 25.00.24-экономическая, социальная и
политическая география

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора географических наук

Иркутск-2004

Работа выполнена в Институте комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Официальные оппоненты:	доктор географических наук, профессор Якобсон Анатолий Яковлевич
	доктор географических наук, профессор Раднаев Баир Лубсанович
	доктор исторических наук, профессор Дулов Александр Всеволодович
Ведущая организация:	Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

Защита состоится 17 марта в 9.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.010.02 по защите, диссертаций на соискание степени доктора географических наук при Институте географии СО РАН по адресу:
664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1.
Факс:(3952)42-27-17
E-mail: postman@irigs.irk.yu

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института географии СО РАН.

Автореферат разослан « 16 » февраля 2004 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат географических наук

Заборцева Т.И.

Выбор темы данного исследования обусловлен двумя причинами. Первая из них состоит в неполноте развития теории общей исторической географии, что во многом обусловлено комплексным характером этой дисциплины. По современным представлениям, она состоит из ряда хорошо различимых направлений, которые, по словам И.А. Витвера, "разом охватить чрезвычайно сложно".

Следствием существующего положения является крайняя внутренняя неравномерность развития историко-географического познания, его лакунарность, дрейф за его пределы крупных содержательных блоков. Одним из вариантов разрешения этой неблагоприятной ситуации может стать разработка направленной тематики, применение которой позволит:

- детализировать представление о каждом из слагающих вмещающую дисциплину направлений, об их весомости друг относительно друга;

- определить на этой основе особенности взаимосвязей между ними, без чего немислимо составление сбалансированного дисциплинарного комплекса;

- выявить применительно ко всем направлениям некие "общие места", которые в дальнейшем смогут стать интегративной основой образования единой теоретической базы общей исторической географии.

Таким образом, ускоренное развитие отстающих составляющих следует рассматривать как действенное средство укрепления и развития вмещающей их дисциплины. В данной связи заметим, что политическое направление заслуживает особого внимания. С этим утверждением связана вторая причина нашего обращения к заявленной теме исследования.

Человечество вступило в III тысячелетие отягощенным многочисленными территориально-политическими противоречиями, которые, все без исключения, уходят своими корнями в прошлое. Рассмотрение связанной с ними проблематики без должной теоретической опоры представляет собой почву для развития имеющих далеко идущие последствия инсинуаций. Так, крайне слабая историческая политико-географическая осведомленность на-

шей страны служит ныне основой как для выдвигания к ней территориальных претензий со стороны ряда соседних государств, так и для проявления внутри неё разномотивированного сепаратизма. Географы же при этом оказываются далеко не всегда способны подключиться к отстаиванию государственных интересов России.

Изложенное определило двоякость цели нашего исследования, которая состоит в:

- развитии теоретических основ исторической политической географии;
- выявлении их организующей роли по отношению к обширному и разнородному фактологическому материалу.

Означенная цель обусловила постановку следующих задач:

- обобщить все те научные идеи, которые, так или иначе, затрагивают теоретическую сторону изучения историко-политической проблематики;
- разработать на этой основе методологию применения сформулированных теоретических положений;
- предложить схему построения исторической политико-географической периодизации;
- сформировать понятия об историческом политико-географическом районообразовании, районировании, территориально-политическом структурировании и о связанной с ними пространственной систематизации;
- рассмотреть полученные результаты на примере конкретной территории и создать на этой основе максимально полное и достоверное "полотно" её исторического политико-географического развития.

Специфика заявленной темы обусловила двойственность объекта исследования. Одну его сторону представляет теория исторической политической географии, другую — территория выделенного нами на востоке Азии Амурского района.

Соответственно, предмет исследования состоит из:

-методологии применения выработанных теоретических положений к анализу внутреннего развития Амурского района;

-совокупного рассмотрения тех местных особенностей и условий, которые сформировали специфику истории его территориально-политического бытия.

Базовыми методами проведения работы явились: хронологический, картографический, описательно-хроникальный, хронологического среза, сравнительно-исторический, логической реконструкции и выборочно-статистический. Результатом их консолидированного применения стала выработка особой формы системного подхода, которая, как представляется, усатанавливает обоснованную взаимосвязь между специальным территориальным структурированием, с одной стороны, и политическим развитием различных социумов в определённых частях Ойкумены, с другой.

Составляющая предмет исследования проблематика расположена на стыке географии, истории и политологии. Это определило множественность и разнохарактерность использованных в создании диссертации идей. При этом заметим, что сама историческая политическая география — крайне слабо развитая область научного познания. Классикой изложения её первичных основ остаётся созданный в начале XX в. труд М.К. Любавского "Историческая география России в связи с колонизацией". Впоследствии данное направление рассматривали И.А. Витвер, Л.Н. Гумилёв, А.В. Муравьёв и В.В. Самаркин, В.П. Максаковский, Д.Н. Замятин, М.Н. Голубчик. Однако, ими, собственно, и ограничен круг тех учёных, которые целенаправленно освещали исторические политико-географические вопросы.

Вместе с тем, таковые являются неотъемлемой частью общего историко-географического познания. Это позволило обратиться к комплексному на-

умному наследию выдающихся российских историко-географов - В.Н. Татищева, С.М. Спицина, Л.Н. Майкова, В.К. Яцунского, И.П. Шаскольского, В.С. Жекулина, опираться на изыскания М.И. Белова, Л.Г. Бескровного, В.А. Зубакова, А.Г. Исаченко, П.Д. Подгородецкого, В.В. Рюмина, А. Кларка, Д. Уитлси, Р. Хартшорна.

Направленческая специфика исследования обусловила возможность широкого использования теоретико-методологических основ политической географии современности, которые с наибольшей полнотой изложены В.П. Семёновым-Тян-Шанским, С.Б. Лавровым, В.А. Колосовым, Н.В. Калединным, Ю.Н. Гладким, Х. Маккиндером.

Вполне оправданным стало обращение к содержательному массиву социально-экономической географии. Занимая в системе общественно-географических наук центральное положение, она обладает столь развитыми теорией и методологией, что игнорирование этого богатого арсенала было бы грубейшей ошибкой. Поэтому при рассмотрении в данной работе вопросов районообразования, районирования, территориального структурирования мы использовали ряд тех фундаментальных положений, что были сформулированы Н.Н. Баранским, Н.Н. Колосовским, И.М. Маергойзом, Ю.Г. Саушкиным, Э.Б. Алаевым, В.Б. Сочавой, В.В. Воробьёвым, А.М. Колотиевским, Г.М. Лаппо, В.А. Пуляркиным, В.В. Покшишевским, Б.С. Хоревым.

Немало концептуальных идей общегеографического плана было почерпнуто нами из трудов Л.С. Берга, Д.Н. Анучина, А.А. Анохина, В.А. Анучина, А.А. Григорьева, И.П. Герасимова, Ю.К. Ефремова, М.М. Жирмунского, С.В. Калесника, Б.М. Кедрова, П. Джемса, Д. Харвея, Р. Чорли.

Рассмотрение конфигуративного аспекта территориально-политической организации общества оказалось бы невозможным без знакомства с трудами А. Лёша, А.М. Смирнова, В. Бунге, П. Хаггета.

Большое значение в создании работы сыграли те теоретические находки, что были сделаны в содержательном массиве внешнегеографических наук. В первую очередь это касается истории, связь которой с рассматриваемым на-

правлением более чем очевидна. Многие её видные представители уделяли в своих трудах пристальное внимание территориально-политическому анализу. Это крупнейшие российские ученые - Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, А.П. Окладников, А.П. и Е.И. Деревянко, В.М. Массон, Е.В. Тарле, С.Л. Утченко и зарубежные - Сыма Цянь, Ф. Бродель, А. Тойнби. Л. Февр.

В тесной связи с историческим материалом находились необходимые данные по археологии и этнологии, которые в основном черпались из работ Л. Моргана, Ю.П. Аверкиевой, В.Г. Смоляка, Н.Н. Чебоксарова, Л.А. Штернберга, Й. Аугусты, Ф. Энгельса.

В своих построениях мы обращались к идеям видных представителей политологического познания. При этом решающее значение имело знакомство с трудами выдающегося российского мыслителя П.Н. Савицкого.

Территориальная привязка темы предполагала знакомство с работами по исторической политической географии Дальнего Востока. Однако изученность таковой находится на крайне низком уровне.

Таким образом, научная новизна проведённого исследования состоит в следующем:

-на основе синтеза современных представлений географической науки разработаны теоретические основы политического направления общей исторической географии;

-апробирована методология их применения на примере конкретной территории;

-дана географическая интерпретация политической истории вмещавшихся в неё социумов;

-разработанные подходы анализа территориально-политической обстановки представляются приемлемыми не только для ретроспективы, но и для изучения её современного состояния, а также —для прогнозирования вариантов её развития в будущем.

Актуальность работы определена:

-внесением вклада в дальнейшее становление теоретико-методологических основ общей исторической географии путём развития одного из самых слаборазработанных её направлений - политического;

-историческим обоснованием правомерности сохранения Россией границ на её дальневосточном фланге - в пределах территории, на владение которой она имеет все исторически обусловленные права, и обладание которой составляет для неё особый геостратегический интерес.

Информационной основой создания диссертации стал собиравшийся и систематизировавшийся автором обширный банк данных о тех политических процессах и событиях, которые происходили в бассейне Амура в течении более чем четырёх тысяч лет.

Важным источником получения необходимых сведений были хроникальные свидетельства участников и очевидцев различных исторических явлений, письменно зафиксированные высказывания отечественных и зарубежных политических деятелей, опубликованные в современной литературе фрагменты русских, китайских, маньчжурских, корейских и монгольских летописей, тексты ряда международных договоров и дипломатических меморандумов, некоторые правительственные документы Российской империи, РСФСР, СССР, Российской Федерации, ДВР, ряда правивших в Китае императорских династий, Китайской Республики, КНР, Японии.

Практическая значимость работы заключена в следующем:

-выявленные работой особенности истории территориально-политических отношений в бассейне Амура могут быть использованы при разработке геостратегической концепции укрепления позиций России на Дальнем Востоке, обеспечения здесь безопасности её государственных интересов;

-ряд положений диссертации востребован правительством ЕАО при подготовке программы социально-экономического развития Еврейской автономной области на 2000-2005 гг., областным управлением ФСБ;

-большая часть диссертационного материала используется автором и его коллегами в чтении курсов лекций по ряду общественно-географических дисциплин в Биробиджанском государственном педагогическом институте, вовлечена в подготовку школьного учебника "История и география Еврейской автономной области", стала основой создания историко-географического раздела атласа ЕАО, широко используется в публикациях и передачах местных средств массовой информации;

-изложенные в работе методы изучения дальневосточной исторической политико-географической проблематики приемлемы для рассмотрения и любой другой территории - как внутри России, так и за рубежом.

Материалы исследования докладывались автором: на региональной научно-практической конференции «Дальний Восток - территория, природа, люди» (Биробиджан, 1997), IV международном симпозиуме «Человеческое измерение в региональном развитии» (Биробиджан, 1998), межрегиональной научно-практической конференции «Власть и общество» (Хабаровск, 1998), международной конференции «Россия и Китай: интеграция в сфере экономики, науки и образования» (Биробиджан, 1998), международной научной конференции «Территориальная справедливость, региональные конфликты и региональная безопасность» (Смоленск, 1998), международной научной конференции «Амур на рубеже веков» (Хабаровск, 1999), международной конференции «Российско-китайские отношения на Дальнем Востоке накануне III тысячелетия» (Биробиджан, 1999), научном семинаре «Российское Приамурье: история и современность» (Хабаровск, 1999), международной научно-практической конференции «Н.М. Пржевальский и современное страноведение» (Смоленск, 1999), X научном совещании географов Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, 1999), II и III Гродековских чтениях (Хабаровск, 1999,

2001), международной научно-практической конференции «50 лет КНР» (Благовещенск, 1999), V Международном симпозиуме «Человеческое измерение в региональном развитии» (Биробиджан, 2000), региональной конференции «Современное состояние минерально-сырьевого потенциала ЕАО» (Биробиджан, 2000), научной конференции «Боксёрское восстание 1900 года» (Владивосток, 2000), XI научном совещании географов Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, 2001), международной конференции «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» (Благовещенск, 2001).

Основные результаты исследований опубликованы автором в 48 работах, из которых 24 основных указаны в автореферате.

Диссертационная работа состоит из: введения, пяти глав, объединённых в две части, заключения, библиографического списка (608 наименований) и приложения. Объём текста диссертации — 327 страниц машинописного текста, к нему выполнено семь рисунков. Приложение дано на 28 страницах.

Первая часть посвящена рассмотрению теоретических основ проведённого исследования.

В первой главе содержится определение места исторической политической географии в системе географических наук, рассматриваются присущие ей проблемы временной периодизации, излагаются основы формирования её базовых теоретических позиций в областях районообразования, районирования, территориального структурирования, в вопросах пространственной систематизации. Кроме того, она включает в себя краткий обзор общих проблем специального картографирования.

Во второй главе обосновывается выделение Амурского историко-политического района, рассматривается методология применения к изучению его территориально-политического развития ранее сформулированных в работе теоретических идей. Здесь же раскрывается технология проектирования и составления тематических районных карт.

Вторая часть представляет собой рассмотрение политико-географического развития Амурского района с конца III тысячелетия до НЭ до начала III тысячелетия НЭ.

Каждая из составляющих её глав соответствует обзору выделенного в этой связи периода: Доимперского, Имперского, Нового. В них рассматривается историческая взаимосвязь между ходом политической процессуальности-событийности, с одной стороны, и эволюцией внутрирайонной территориально-политической структуры - с другой. Формулируется вывод об их взаимозависимости друг от друга.

Завершается вторая часть кратким анализом современной территориально-политической обстановки в Амурском районе и общим прогнозом её возможного развития.

Заключение обобщает основные выводы и результаты данного исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРЕДМЕТ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИИ

I. Историческая политическая география — отдельная область историко-географического познания с собственным предметным содержанием и хорошо различимыми хронологическими пределами своей исследовательской компетенции

Определить место исторической политической географии в системе географических наук можно с помощью абстрактной схемы (рис. 1).

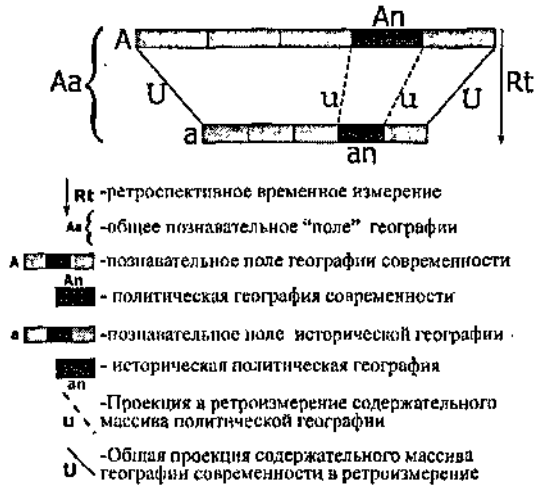

Рис. 1. Положение исторической политической географии в системе географического познания.

Любая из современных территориальных данностей имеет историю происхождения и развития. Следовательно, каждая из дисциплин географии современности (плоскость «А») проецируется в прошлое (общее направление этой проекции показана линиями «U», нисходящими вдоль ретроспективного время измерения «Rt»). Здесь ими образуется общая историческая география (плоскость «а»).

Политическая география современности (сектор «An») не может быть в этом отношении исключением, и имеет свои проекционные линии в прошлое «и». Следовательно, в общем ряду историко-географического познавательного массива ею формируется собственный сектор «an».

Итак, историческая политическая география является одним из направлений общей исторической географии, которое образуется при её пересечении с отходящим в прошлое познавательным массивом политической географии современности.

Это определение позволяет очертить круг её предметного содержания, в состав которого входят:

- общая пространственно-временная динамика политической карты мира и территориальной расстановки политических сил на планете;
- причины и ход видоизменений территорий отдельных пространственно-политических образований;
- исторические перемены в их политико-географическом положении;
- территориально-политические вопросы внутригосударственного порядка в прошлом;
- роль политического фактора в заселении и освоении различных земель;
- локализация мест, выдающихся в историко-политическом отношении.

В целом область предметного изучения исторической политической географии размещается на пересечении пространственно-временных связей и образуется за счёт "напластования" тех территориальных реалий, которые в какой-то конкретный момент являлись современными, но затем последовательно отступили в прошлое хроноизмерение. Этим утверждением определяется необходимость поиска временных рамок исследовательской компетенции данного познавательного направления (рис. 2).

Рис. 2. Временные границы познавательной компетенции исторической политической географии.

Нижний рубеж исторического политико-географического познания пролегает там, где заканчиваются возможности осуществления более или менее достоверной реконструкции территориально-политической обстановки в Ойкумене. Ныне этот порог простирается до VII-V тысячелетий до НЭ.

Верхним рубежом в данном случае следует считать тот хронометрический слой, где нынешнее зримо переходит в былое. Это — время жизни современного на данный момент поколения. Его представители, в силу определённых особенностей человеческого мировосприятия, как правило, не относят миновавшие, но так или иначе наблюдавшиеся ими явления к «полноценному» прошлому.

Такое восприятие появляется лишь после полного ухода поколения очевидцев (отдельные долгожители при этом являют собой реликты живой исторической памяти) и его замены на другое, знающее о существовании тех или иных данностей исключительно опосредовано.

Это означает, что историческая политическая география обладает подвижной верхней границей, непрерывно меняющей своё положение во времени по мере постепенного перехода настоящего в минувшее.

Наличие хронологических рамок предполагает определение принципов построения вмещённой между ними периодизационной шкалы. Основными среди таковых мы предлагаем считать следующие:

- в пределах разрешающих временных параметров данная шкала должна с предельной ясностью демонстрировать непрерывность существования и генетическую преемственность отображаемых явлений;

- сё следует выстраивать исключительно на предметно-содержательной основе конкретной области познания;

- она должна обладать внутренней градацией, дающей представление о последовательно-ступенчатой эволюции развития территориально-политических объектов и процессов;

-любому, претендующему на содержательную полноту, виду историко-географической периодизации следует отображать не только некую "генеральную линию" определённого рода территориальных перемен, но и давать представление о специфике тех интерпретаций, которую она одновременно получает в различных регионах.

Таким образом, построение хроностратификационной шкалы в исторической политической географии можно представить в следующем виде (рис. 3):

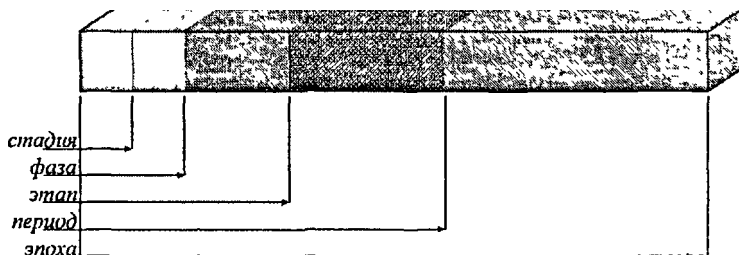

Рис. 3. Хронотаксономический ряд в исторической политической географии.

Под эпохой предлагается понимать самый крупный (около тысячелетия) отрезок времени, в течение которого происходят наиболее значительные перемены территориально-политической обстановки в глобальном охвате.

Эпохи слагаются периодами — хронотаксонами протяжённостью в несколько столетий, для которых характерны существенные перемены соответствующего плана в пределах отдельно взятых крупных территорий.

По частным признакам в составе периодов выделяются этапы, длящиеся от нескольких десятилетий до одного-двух столетий.

Более приближенные к современности этапы оказываются и более прозрачными в информационном отношении. Это даёт возможность различать в их составе отдельные фазы протяжённостью в несколько десятилетий и измеряемые считанными годами стадии.

II. Системная специфика районообразования и районирования в исторической политической географии определяется политической процессуальностью-событийностью

Территориально-политической организации общества, свойственна пространственная мозаичность, которая наследуется ею из прошлого. Следовательно, ей присуще наличие как современных, так и исторических районов. Это ставит вопрос о поиске основ их образования, отграниченности друг от друга, а также - критериев определения их размерности.

Как представляется, первичными условиями, допускающими образование исторических политико-географических районов, являются:

-наличие географической оболочки — общей субстанции формирования любого вида пространственных неравномерностей;

-присутствие в её составе общественной составляющей в качестве основы формирования специфических территориальных неоднородностей.

На этой основе в качестве предпосылок образования исторических политико-географических районов можно назвать:

-присущность, с известного времени, упомянутой общественной составляющей явления территориально-политической организованности;

-неравномерность его развития в разных частях Ойкумены.

Определение этих позиций позволяет рассмотреть факторы районообразования - действенные силы, приводящие к образованию территориальных систем "на местах". Их ряд должен быть достаточно обширным, что объясняется многосложностью географической оболочки, как места их проявления. Но это не предполагает их равенства: ведь каждая факторная составляющая имеет разную значимость в геосистемных образованиях различных видов.

В первую очередь необходимо выделить главный фактор, без которого какой-либо вид районообразования невозможен в принципе. Так, образование и видоизменение территориально-политической мозаики было бы немыслимо вне проявления политической процессуальности-событийности.

Процессы и события — явления не только действенные, но и территориально-пространственные, имеющие на земной поверхности координатные и параметрические характеристики. Следовательно, их преемственный ход, при определённом его восприятии, может брать за основу районообразования в исторической географии — дисциплине, которая занята изучением реалий, возникающих «на пересечении» категорий пространства и времени. В первую очередь это утверждение относится к территориально-политической среде, т.к. она отличается активным историческим динамизмом, результаты которого материализуются в Ойкумене непрерывно и с высокой степенью сменяемости.

Однако, данный главный фактор (как, впрочем, и любой иной, равный ему по значимости в иных видах районообразования), действуя в столь сложном образовании, как географическая оболочка, не может проявляться в "чистом" виде. Следствием этого оказывается влияние на историческое политико-географическое районообразование сопутствующих факторов. Они выполняют две важные вспомогательные функции. С одной стороны — ими создаётся общий пространственный фон действия главного фактора; с другой — они усиливают или ослабляют его проявление на определённых территориях, расширяют или сужают пространственные рамки его распространения.

Ряд сопутствующих факторов обширен, и отдельное подробное рассмотрение каждой из его составляющих заняло бы много места. Поэтому здесь придётся ограничиться лишь упоминанием двух основных, касающихся их учёта моментов:

-все сопутствующие факторы можно разделить на естественно-природную и общественную группы, в составе которых любой из них в разное время, в разных местах и условиях проявляет себя с различной степенью силы и интенсивности;

-при рассмотрении их влияния необходимо соблюдение известного баланса, исключающего не только их недооценку, но и переоценку. Выполнение этого условия представляется важным потому, что проявление сопутствующих факторов обретает подчас вполне нетрадиционную форму.

Всё это позволяет представить «механизм» образования исторического политико-географического района (рис. 4) на пересечении:

-горизонтальной плоскости земной поверхности (ХУ), где складывается та политическая картина (S), характерная для каких-либо определённых исторических моментов (их ряд выборочно обозначен символами I, II, III);

-и хроноординаты (Т), которая позволяет проследить генетическую, обусловленную непрерывным ходом политической процессуальности-событийности, преемственность этих картин во времени (по условным соединительным линиям А, В, С, D). Кроме того, она является осью их последовательного наложения друг на друга, благодаря чему можно получить итоговый "слепок" их исторического развития.

Рис. 4. Механизм образования исторического политико-географического района.

Таким образом, исторический политико-географический район можно определить как относительно устойчивую территориальную систему, в пределах которой наблюдаются как единовременная схожесть, так и хронологическая преемственность хода политических процессов-событий на фоне вмещающих типов географической оболочки.

Эта формулировка позволяет перейти к освещению круга проблем, связанных с рассмотрением основ исторического политико-географического районирования. **Под таковым мы понимаем особый вид пространственно-временной систематизации, при которой осуществляется процесс тематического выделения на земной поверхности специфических таксонов, каждый из которых должен соответствовать трём критериям:**

- обладать внутренним единством по признаку исторической преемственности хода политических процессов-событий;

- отличаться по этому же признаку от соседствующих таксонов равного с ним ранга;

- вписываться в систему классификационной соподчинённости, основой построения которой является разноуровненность территориального охвата слагающих её иерархических единиц.

Сама возможность проведения исторического политико-географического районирования обусловлена наличием:

- первичного разрешающего условия, каковым является территориальная организация общества в целом;

- предметной основой формирования, образующейся за счёт осуществления человечеством в рамках этой организации политической деятельности;

- причиной возникновения, состоящей в проявлении тех пространственных неравномерностей, которые исторически обретает данная деятельность в разных частях Ойкумены.

Проведение исторического политико-географического районирования опирается на следующие принципы:

-выделение районов должно строиться на объективных началах, выявляя реально существующие хронопространственные данности;

-каждый из них должен обладать ясной отличимостью своих опознавательных признаков и в территориальном, и во временном измерениях;

-первичную идентификацию исторического политико-географического района следует основывать на генетическом подходе, который позволяет объяснить его происхождение и особенности его последующей эволюции;

-система исторического политико-географического районирования должна быть соотносима с другими видами историко-географического районирования, но при этом иметь собственную четкую распознаваемость.

Отражаемая данным видом районирования территориальная мозаика образуется за счёт хода политических процессов и событий, которые, помимо всего прочего, обладают двумя важными свойствами:

-крайним, калейдоскопического характера, динамизмом;

-исключительной территориальной крупноохватностью.

Эти обстоятельства позволяют строить классификационный ряд системы исторического политико-географического районирования малым числом крупноразмерных таксонов (рис. 5).

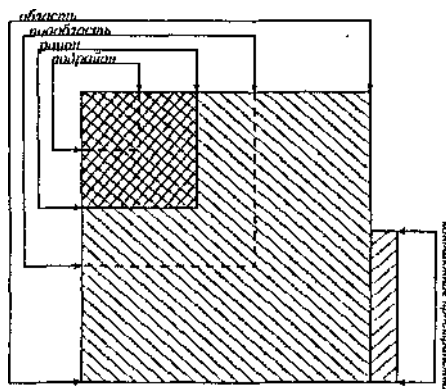

Рис. 5. Классификационная иерархия территориальных единиц в исторической политической географии.

Его основными иерархическими единицами мы предлагаем считать:

-район, территориально сопоставимый с крупной страной или несколькими странами;

-область, объединяющую в своём составе несколько районов и имеющую околोकонтинентальный охват.

По факультативным признакам в составе районов и областей могут различаться подрайоны и подобласти. Кроме того, целесообразно выделять и внеиерархические образования - контактные пространства: небольшие территории, никогда не игравшие самостоятельной роли в политической истории, но столь часто менявшие свою районную или областную принадлежность, что это явление стало их опознавательной характеристикой.

Исторические политико-географические районы и области не следует ни отождествлять с современными, ни противопоставлять им. Обе эти попытки мы рассматриваем как искусственные, т.к. ими отрицается факт пространственно-временной эволюции территориально-политических образований, а также — априори дочерний характер её последовательного развития.

III. Внутреннее состояние и типическая принадлежность исторического политико-географического района определяются его внутренней территориально-политической структурой

Исторической политико-географической территориальной структурой мы предлагаем называть вмещённое в определённые границы, относительно устойчивое образование, которое исторически сложилось в данных рубежах в результате политической деятельности различных социумов и состоит из совокупности взаимосвязанных по классическому образцу линейно-узловой конструкции функциональных элементов специального назначения (рис. 6).

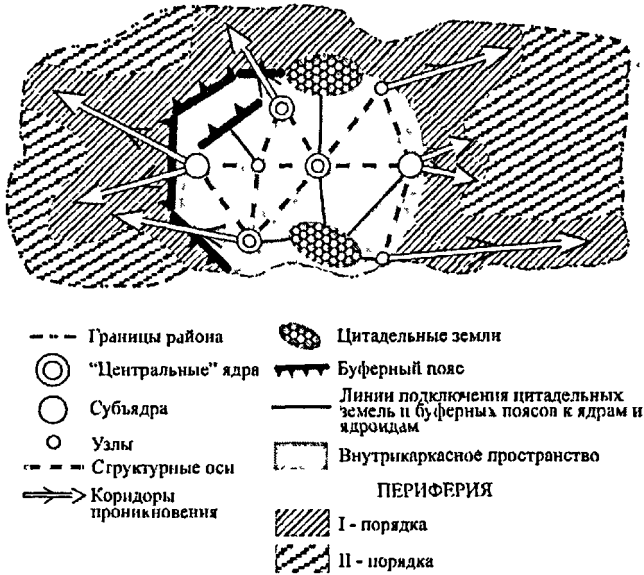

Рис. 6. Абстрактная схема построения территориальной структуры исторического политико-географического района.

Среди формирующих историческую политико-географическую структуру функциональных элементов необходимо различать принадлежащие общему и специальному рядам. Под первыми здесь понимаются те, которыми конструктивно формируется любой вид территориальной структуры общества, хотя в каждом конкретном случае их назначению придается свой смысл: "центральные" ядра, структурные оси, коридоры проникновения. Специальные элементы свойственны лишь определённому виду структуры и отражают его специфику. В данном случае таковыми являются цитадельные земли и буферные пояса.

Наиболее значимы "центральные" ядра - образования, в которых характерные признаки исторически сложившиеся территориально-политической структуры особенно устойчиво проявляют себя на протяжении достаточно долгого времени. Их основными функциями являются как сохра-

нение, так и развитие тех традиций политической жизни, которые совокупно выражаются в триедином исполнении:

-узкоорганизационном, состоящем в обеспечении и регулировании деятельности различных политических институтов, в налаживании разных форм контроля над всеми сторонами политической жизни и разработке доктрин её развития;

-общеорганизационном, представляющим собой комплекс практических мер по реализации политических императивов в хозяйственной, социальной, военной и духовной сферах. Им олицетворяется "живая" взаимосвязь территориально-политического структурирования с иными составляющими общественно-территориальной полиструктуры;

-харизматическом, предусматривающим исполнение роли "сердцевинной" ("исконной", "коренной") земли.

Параметрически ядро представляет собой локальный компактный ареал с плотным внутренним наполнением, которое обладает многими составляющими: населенческой, производственной, коммуникационной, социальной, военной, институциональной - всеми теми, что целевым образом и взаимосвязано задействуются в политической жизни общества, оказывая совокупно определяющее влияние на всю структурную конструкцию в целом.

В зависимости от особенностей внутреннего строения, структура может быть одно- и многоядерной, а также — включать в свой состав равноранговые ядроды низшего порядка: субъядра и узлы.

Субъядро параметрически от ядра ничем не отличается. Его "ущербность" проявляется в деятельностном отношении, когда в силу каких-то обстоятельств отдельные ядерные функции выполняются им слабо или вовсе не выполняются.

Узел функционально полноценен, но радиус его территориального влияния по разным причинам оказывается ограничен. Реальным его отображением является относительно крупный город в окружении слабозаселённых и слабоосвоенных земель.

При определённых обстоятельствах субъядра и узлы оказываются в состоянии развиться в ядра. А те, напротив, могут деградировать до ядроидного состояния. Контрастные границы здесь отсутствуют: статус всех этих образований определяется конкретными условиями места и времени. Так, политические ядра Античности не могут ни размерно, ни по функциональной интенсивности сравниться с современными. Но это ничуть не умаляет их значимости ни для своей эпохи, ни для истории.

Важным элементом каркаса являются структурные оси — линии, соединяющие ядерные образования и служащие главными проводниками людского, материального и информационного обмена между ними, который осуществляется под прямым или косвенным воздействием политического императива. Какого характера перемещения не осуществлялись бы вдоль них, они служат цели укрепления контроля над определённой территорией, придания ему оперативности и действенности.

В отличие от осей, коридоры проникновения связаны с каркасом лишь одним своим окончанием, а другим — направлены вглубь внекаркасной периферии. Как правило, они устремляются туда, где возможно создание новых ядроидов. Данные элементы выполняют пионерные функции, обеспечивая прорыв фронта внекаркасной части структуры. Их классическими примерами являлись тропы землепроходцев в Сибири, конечная достигаемость которых определяла пределы разрастания вполне определённой территориально-политической структуры.

Под цитадельными землями следует понимать естественные "крепости", занимающие в политической структуре той или иной территории важное стратегическое положение. Их основным признаком служит особый комплекс природных условий, которые можно определить как "неэкстремальную труднодоступность". Разностороннее освоение этих элементов вполне возможно, но при наличии более благоприятных условий на окружающих территориях, в мирное время протекает оно вяло.

В военную пору картина меняется. Благодаря инженерным усилиям защитников, дополняющих их естественную труднодоступность, цитадельные земли превращаются в практически непреодолимые для врага твердыни. Вдобавок, они способны на какой-то срок вместить в себя значительные массы беженцев и перемещённые средства производства, которые все вместе служат основой создания реваншистского потенциала.

В этом состоит их коренное отличие от экстремально труднодоступных территорий, суровость которых блокирует возможность выращивания серьёзных сил для организации контрнаступления.

Всё же заметим, что, в силу естественно-природных причин, выдерживать длительную населенческо-производственную нагрузку цитадельные земли тоже не могут. Классическими их примерами являются либо массивы средневысотных гор с покатыми, сильно расчленёнными и покрытыми лесами склонами, либо обширная полузаболоченная местность.

Недостатком этих функциональных элементов является пространственная стационарность - их нельзя переместить с места на место. В какой-то мере это обстоятельство компенсируется иными образованиями - буферными поясами, которые искусственно создаются для защиты основных структурных элементов от негативного воздействия извне.

Воспринимать их в качестве просто системы оборонительных укреплений нельзя. Это — сложные многослойные образования с далеко выдвинутыми от главных инженерных сооружений сетями форпостов и аванпостов, пространство между которыми заполнено специальными инфраструктурными и обслуживающими объектами. Образ буферного пояса, скорее, передаёт не грандиозное оборонное сооружение наподобие Великой стены (хотя и он, в общем-то, верен), а обширная территория, к примеру - Область войска Донского или Запорожье.

Эти элементы живут в особом ритме политической жизни, пользуются разнообразной подпиткой со стороны ядер. У проживающего в их пределах населения формируется особый "охранный" менталитет.

При потере со временем своего целевого назначения, буферные пояса нередко не исчезают бесследно, а могут становиться основой возникновения новых ядер. Этому способствует не только сконцентрированный здесь материальный и людской потенциал, но и историческое осознание местными жителями собственной "особости".

Внекаркасной структурной составляющей является периферия — образование, не обладающее внутренним линейно-узловым "скелетом" и упорядоченными внутренними связями, пассивное в смысле нацеленности на внешнее взаимодействие, обладающее низким уровнем общего развития и высокой степенью сохранения различных архаизмов. В большинстве случаев она находится под преобладающим влиянием со стороны каркаса.

Вместе с тем, периферию нельзя рассматривать как абсолютно инертную данность. По своему внутреннему составу она всегда неоднородна, но на смену линейно-узловому строению в ней приходит поясность. Наличие такой объясняется следующим:

-отсутствием в составе периферии тех опорных элементов, которые могли бы стать основой формирования функционально-элементной сети;

-размерностью самой периферии, которая может быть как предельно малой, так и большой. Разумеется, во втором случае та её часть, что непосредственно прилегает к каркасу, испытывает большее его воздействие;

-степенью внутренней доступности разных периферийных секторов каркасному влиянию, а также — целевыми интенсивностью и разнонаправленностью влияния со стороны последнего.

Будучи представлено само себе, данное образование может, в конце концов, проявить тенденцию к самоорганизации. Возможность этого нельзя

отрицать хотя бы постольку, поскольку первичное структурирование некогда зародилось в общей "протопериферии"

Опираясь на такие важные характеристики, как функциональная и генетическая, территориально-политическая структура в каждом конкретном случае с наибольшей полнотой отражает специфику вмещающего её района. Следовательно, она может служить основой определения его типа.

Мы выделяем три типобразующих признака, которые можно считать основными.

Ядерная разночисленность. Ядро является первичным элементом политического структурирования территории и постоянным регулятором его последующего состояния. Содержась в какой-либо конструкции в единственном числе; оно приспособливает её исключительно «под себя», оказываясь центром внеконкурентного воздействия на политическую жизнь всего вмещающего района.

Однако, большинству внутрирайонных территориально-политических структур свойственна многоядерность. Во-первых, в них может изначально содержаться несколько этих элементов; во-вторых - каждая конструкция, в том числе территориальная, стремится к самоусилению с помощью дополнительного числа главных несущих элементов, которые достраиваются в ней в соответствии с той или иной целесообразностью.

В нашем случае, определяющим является не число ядер, а сам факт многоядерности. Он оказывает на территориально-политическую жизнь самое непосредственное влияние. Его можно свести к проявлению двух разнонаправленных тенденций, при которых содержащиеся в структуре ядра:

-оказываются политически комплиментарными, что выражается в их активном взаимодействии;

-напротив, вступают в политическую конкуренцию и даже - конфликт.

Первая из этих тенденций ведёт к укреплению района. Развитие второй чаще, хотя и далеко не всегда, имеет следствием его распад.

По данному признаку можно выделять одно- и многоядерные районы.

Общеструктурная динамостатичность. Любая территориально-политическая структура обнаруживает при внешнем воздействии на неё один из двух вариантов ответной конструкционной реакции:

-возможность с относительной лёгкостью перестраиваться, приспособившись к новым, принесённым этим воздействием, реалиям;

-способность либо отражать внерайонную инвазию, не задействуя при этом, по преимуществу, механизма внутренних перемен, либо — адаптировать её результаты к своему исторически сложившемуся построению.

Первое явление мы отождествляем с общеструктурным динамизмом, второе - со статичностью.

Динамичная структура способна к быстрым внутриконструкционным переменам, и потому отличается большой пластичностью. Но это качество может стать причиной снижения общего иммунитета конструкции к разного рода воздействиям и обусловить, в конечном итоге, её распад. Статичность же нередко отражает не столько стагнационный характер структуры, сколько высокую степень её приспособленности к условиям вмещающей территории. Значит, оценка этих качеств зависит от конкретных условий места и времени.

В целом данный признак позволяет различать районы динамичные и статичные.

Организационно-политическая целостность. Линия межгосударственного рубежа, как таковая, элементом структуры, по нашему мнению, не является. Но она имеет важное конструкционное значение, которое проявляется в следующем:

-обычно её оконтуривают различные функциональные элементы, традиционное назначение которых выполняется специфически, с учётом необходимости как налаживания трансграничных связей, так и обеспечения возможности ведения оборонно-наступательных действий;

-на некотором отдалении от неё размещается сеть элементов, в задачу которых входит подстраховка функционирования приграничья и налаживание его связи с основным сектором конструкции;

-избранно важные для структуры функциональные элементы нередко либо «отодвигаются» от рубежа, либо, будучи расположены близ него, обретают собственную контактно-защитную микроструктуру.

Эти проявления размещенчески по-разному выглядят в неразделенном и разделённом государственной границей районе. В первом случае - их комплекс оказывается смещён к окраинным частям внутрирайонной структуры, имея вид её обрамления. Во втором- они представляются идущим непосредственно через структурную конструкцию «швом».

Наличие такового может, в конечном итоге, стать линией разлома единого некогда района на самостоятельные образования или потери им какой-то своей части. Но нередко подобная рассечённость, напротив, укрепляет структуру.

Происходит это потому, что приграничные объекты, возникая вдоль одной стороны рубежа, обретают адекватный конструкционный ответ по другую. Так возникает сеть функционально взаимосвязанных элементов, наличие которых обусловлено необходимостью обеспечения разностороннего трансграничного взаимодействия. Подтверждением тому служит пример Западной Европы, которая, несмотря на изрезанность линиями межстранового раздела, является несомненной историко-политической территориальной целостностью.

Следовательно, наличие или отсутствие в пределах исторических политико-географических районов межгосударственных границ является важной признаковой характеристикой, по которой они различаются как целостные и рассечённые.

Любой из трёх перечисленных признаков является носителем "индивидуальной" черты политической организации общества на определённой тер-

ритории. Они свободно комбинируются друг с другом, образуя различные районные типы (рис. 7).

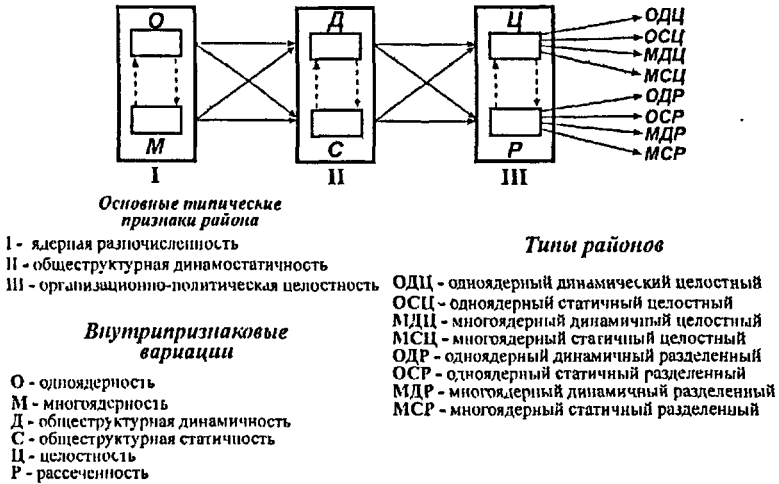

Рис. 7. Схема образования типов исторических политико-географических районов.

На рис. 7 схематично изображены три основных признака типичности исторических политико-географических районов (I, II, III), в которые вмещены внутренние вариации каждого из них (литеры - O, M, Д, С, Ц, P).

Внутрипризнаковые вариации могут со временем переходить друг в друга (см. направления пунктирных стрелок на рис. 7). Но более существенным оказывается свойство их свободного межпризнакового комбинирования.

При сочетании трёх типических признаков, каждый из них может проявить себя в данном месте и данном времени лишь в одной из двух присущих ему вариаций. А поскольку межпризнаковую комбинативность последних ничто не ограничивает (см. полное сочетание сплошных стрелок на рис.7), число производных типов районов равняется восьми. Любой из них в этом ряду оказывается несхож с одной тройкой "соседей" по одной признаковой характеристике, с другой тройкой - по двум, и с одним - несхож полностью. Значит, типические расхождения между ними можно определить как

заметные (на 1/3), преобладающие (на 2/3) и полные.

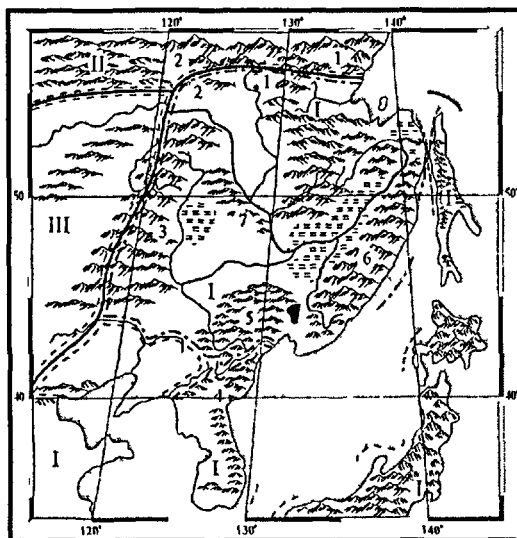
Очевидно, что уже первая из этих отличительных градаций отмечает особое состояние структуры, которое, в свою очередь, порождает несхожесть исторических политико-географических районов. Это доказывается сопоставлением двух территорий, типически одинаковых по двум структурно-конструкционным признакам - целостности и статичности. Но одна из них - доколумбова Мезоамерика, была образованием с единственным, сложившемся на Мексиканском нагорье ядром. Другая - Средиземноморье I-IV вв. НЭ, жила под знаком взаимодействия Римского, Константинопольского и Ближневосточного ядер.

Первая из них изначально имела ограниченный радиус своего влияния, подверглась впоследствии мощному перерожденческому процессу, но так и не стала заметным центром мировой политики. Вторая же отличалась относительно крупными размерами, и в течение долгого времени с относительной лёгкостью адаптировала к своим внутренним условиям результаты любых внешних воздействий. Исходившие из неё политические импульсы дали знать о себе далеко за её пределами, а её историческое наследие представляется просто неоценимым.

IV. Амурский район - объективно существующая историческая политико-географическая данность, сохранившая свои целостность, структуру и значение вплоть до XXI века

Амурский историко-политический район (АИПР) вмещён в основном в бассейн Среднего и Нижнего Амура со всеми его притоками (рис 8). Первичной предпосылкой обособления этой территории явились: оконтуривание почти всего её периметра хорошо выраженными природными барьерами, а также - внутренняя физико-географическая целостность, усиленная наличием мощной речной системы стягивающей конфигурации.

На севере он ограничен Становым хребтом, на западе - Становым нагорьем и Большим Хинганом, на юго-востоке — Северокорейскими горами, на востоке - Японским морем и Татарским проливом в сочетании с обращенными к ним склонами Сихотэ-Алиня. На юге район не имел естественной отграниченности от Ляонинского контактного пространства в бассейне Ляохэ. Тем не менее, оно изначально ясно отличалось от АИПР основными чертами своего территориально-политического бытия.

Масштаб 1:18 000 000

Исторические политико-географические границы.

- — — — — межобластные
- - - - - Амурского района
- - - - - иных районов и контактного пространства

- 1 - Становой хребет
- 2 - Становое нагорье
- 3 - Большой Хинган

Исторические политико-географические области:

- I - Восточная Азия
- II - Северная Азия
- III - Центральная Азия

- 4 - Северокорейские горы
- 5 - Лаолиан-Чангбейский горный узел
- 6 - Сихотэ-Алинь
- 7 - Малый Хинган

Ирис. 8. Первичные территория, границы и окружение АИПР (III тысячелетие до НЭ).

Таким образом, Амурский район представляет собой гигантскую природную "чашу". И хотя её относительная природная изоляция от большинства окружающих земель явилась вполне частным случаем, под прикрытием упомянутых естественных преград здесь в раннеисторическое время сложилось уникальное человеческое сообщество, характеризовавшееся:

-земледельческо-рыболовецким укладом хозяйственно-культурного типа с его локальной морепромысловой вариацией в Южном Приморье;

-затянувшимся рецидивом широкого использования, наряду с металлическими, изделий из камня;

-сложным этническим составом населения с преобладанием тесно взаимодействовавших тунгусо-маньчжурского и палеоазиатского элементов.

Особенности последующего территориально-политического развития Амурского района стали основой выделения нами в этом процессе трёх периодов:

-Доимперского (конец III тысячелетия до НЭ - 697 г. НЭ);

-Имперского (698-1800 гг.);

-Нового (1801 -современность).

В течение Доимперского периода в Амурском районе сложилась туземная племенная конфедерация, территориально-политическое развитие которой характеризовалось преобладанием центростремительных организационных процессов над центробежными. На этом пути она последовательно прошла через три модификации: Сушень (конец III тысячелетия до НЭ - II в. НЭ), Илоу (II - IV вв.), Мохэ (IV в. - 697 г.).

Имперский период — время возникновения и расцвета в АИПР аборигенной государственности. Здесь трижды возникали автохтонные империи — Бохай (698 г.), Цзинь (927 г.), Цин (1593 г.), каждая из которых правопреемствовала предыдущей. Период характеризуется перманентным созреванием в районе мощного агрессивного потенциала, который регулярно разряжался на южном геостратегическом направлении.

Станция «Спасская»
 БИБЛИОТЕКА
 С.Петербург
 09 10 2017

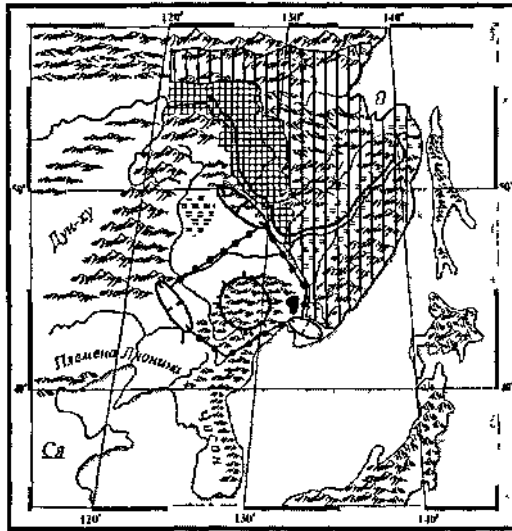
прерывался внешними вторжениями, но неизменно возрождался во всё большем пространственном охвате.

Новый период отличается большим своеобразием. Туземная доминанта, вступив в тесное взаимодействие с политическими силами внерайонного происхождения, достаточно быстро оказалась низведена до нулевой величины. Сменив её, после крупных территориально-политических перемен середины XIX - середины XX в., в АИПР утвердились российская и китайская составляющие. Их сложный диалог, собственно, и определил современный облик района.

Особенности данной процессуальности-событийности во многом определились наличием, особенностями построения и развития внутрирайонной территориально-политической структуры. Археологические и летописные свидетельства её наличия можно датировать концом III тысячелетия до НЭ. Логическая реконструкция позволяет восстановить её состав и конфигурацию в следующем виде (рис. 9).

Основой первичного построения территориально-политической структуры АИПР явились ядра, сложившиеся к концу III тысячелетия до НЭ в Южном Приморье, на равнине Дунбэй и на Малом Хингане. Занимая земли с наиболее комфортными, по внутрирайонным меркам, природно-климатическими условиями, они стали местами расселения и хозяйственной активности наиболее многочисленных и, следовательно - политически самых влиятельных племён. При этом Малохинганское ядро выполняло дополнительную функцию общеконфедеративного культового центра.

Структурные оси района пролегали вдоль рек Сунгари. МУЛИНХЭ - Усури и Тумыньцзяна - Ялущяна. Их размещение представляется оптимальным с коммуникативной точки зрения: по ним не только двигались товаропотоки, но и происходил обмен информацией между ядрами, препровождались послы, перебрасывались воинские отряды.

Масштаб 1:18 000 000

	- цитадельные земли		- периферия I порядка
	- "центральные" ядра		- периферия II порядка
	- структурные оси	<i>Дун-ту</i>	- племенные союзы
	- коридор проникновения	<i>Ся</i>	- предгосударственное обречение

Рис. 9. Первичная территориально-политическая структура АИПР (конец III тысячелетия до НЭ).

Разрыв любой из данных осей грозил соседствовавшим с ним ядрам потерей прямой связи и вынуждал их общаться по обходной дуге, что ставило их в информационно-организационную зависимость от третьего, расположенного между неповреждёнными осями, ядра, которое начинало выполнять роль посредника между ними. Это влекло за собой нарушение внутрисоюзного баланса сил и могло инициировать сепаратистские настроения в ядрах, оказавшихся в положении краевых.

Цитадельные земли Амурского района представляют собой заключённый между ядрами и осями треугольник - комплекс невысоких ГОР С пока-

тыми, расчлененными склонами. Сюда в пору военных неудач отступало население ядер, и накапливались силы для контрудара по врагу. Особенность их размещения давала возможность одновременно контролировать с их склонов все основные элементы структуры.

Равнины Среднего Приамурья первично являлись периферией I порядка. Природные условия здесь тоже допускали развитие основных хозяйственных занятий туземного населения. Но климат этой территории более суров по сравнению с Южным Приморьем и Дунбэем. В результате здесь наблюдалась гораздо меньшая плотность заселённости и не столь высокая производственная активность, как на юге района.

Нижнее Приамурье, Северное и Центральное Приморье составляли периферию II порядка. Это - горная территория с наиболее суровыми в АИПР природно-климатическими условиями. Для земледельцев-конфедератов она оказалась непривлекательна и в течение длительного времени играла в их жизни малозначущую роль.

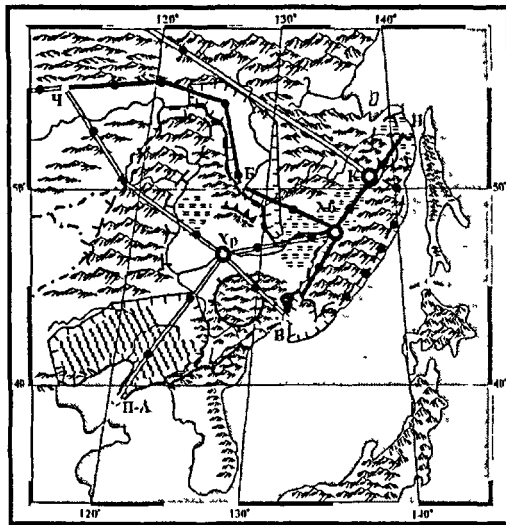
Изначальную функциональную значимость Амура можно определить как второстепенную. Будучи смещён к периферийному сектору АИПР и углублен в него, этот водоток явно уступал по интенсивности внутриконфедеративных контактов "осевым" рекам. Однако, есть летописные свидетельства о походах по нему промысловых и воинских экспедиций. Это позволяет рассматривать Амур в качестве коридора проникновения в наиболее отдалённые и наименее освоенные части района.

Реконструированная территориально-политическая структура обеспечивала конфедератам высокую степень сопротивляемости внешним вторжениям. Весь Доимперский период явился временем её испытания на прочность. Сильный ущерб нанесли ей нашествия центральноазиатских кочевников в середине II тысячелетия до НЭ и древнекорейских племён во II в. НЭ. Однако конструкционная устойчивость районной структуры оказалась столь высока, что к концу VII в. НЭ она практически целиком восстановилась в своём первоначальном виде.

В течение Имперского периода необратимо протекало формирование сугубо утилитарного отношения туземной политической доминанты к структурному наполнению АИПР. Чрезмерная наступательная активность за пределы района стала причиной деградации большинства его функциональных элементов, распада связей между ними. Ситуация приобрела хронический характер, и когда в XVII в. в Приамурье развернулась российская экспансия, Империя Цин остановила её лишь за счёт превосходства в живой силе, не сумев воспользоваться территориально-структурным потенциалом района.

Новый период стал для рассматриваемой территории временем восстановления и дополнительного укрепления вмещённой в район структуры. Однако, осуществлялся этот процесс уже не туземным действенным компонентом, а Россией, Китаем (как национальным государством) и (во временном промежутке 1905-1945 гг.) Японией. Основные контуры структурной реабилитации района показаны на рис. 10.

В Новом периоде произошло становление Среднеамурского ядра, которое сменило отмершее Малохинганское. Бывшее Дунбэйское ядро преобразовалось в Южноманьчжурское. Древняя Сунгарийская ось продлилась трассой ЮМЖД в Ляонин. Структура достроилась новыми образованиями: Нижнеамурским субъядром, Хабаровским, Харбинским и Комсомольским узлами, осями КВЖД, БАМ, комбинированной трассой Транссиба-Амура-Усури. В годы активного военного противостояния (1931-1945 и 1960-1981) районная конструкция дополнялась квазичитадельными землями Большого Хингана и буферным поясом Малого Хингана. Одним из доказательств эффективности структуровосстановления АИПР стало поглощение им к концу XIX в. Ляонинского контактного пространства, влившегося в состав Южноманьчжурского ядра.

Масштаб 1:18 000 000

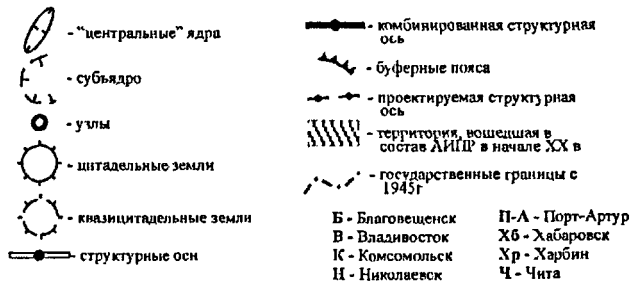

Рис. 10. Реабилитированная территориально-политическая структура АНПР (конец XIX - вторая половина XX вв.).

Все эти позитивные перемены происходили в условиях стабильной рассечённости района межгосударственной границей по Амуру-Уссурийской речной дуге, что, казалось, должно было бы привести к обособлению расположенных по обеим её сторонам структурных секторов. Но этого не произошло, главным образом, по трём причинам:

- во второй половине XIX и начале XX вв. структурная реабилитация протекала под определяющим началом одной страны - России;

-на отдельных стадиях в начале и в середине XX в. в АИПР наблюдалось тесное трансграничное межгосударственное сотрудничество (Россия-Япония - 1907-1917 гг. и СССР-КНР - 1945-1960 гг.);

-те оборонно-наступательные усилия по укреплению структуры, которые принимались в районе в годы жесткого межстранового противостояния в XX в. по одну сторону границы, всегда имели конструкционно адекватную реакцию по другую. Важным фактором сохранения объективной территориально-политической целостности района стало в те годы и то обстоятельство, что эволюция средств поражения противника и их доставки обратила его территорию в единую зону боевого планирования противостоящих здесь друг другу государств..

Вдобавок, нельзя не заметить, что перечисленные обстоятельства усиливались объективно неизменным фактором относительной естественно-природной изоляции АИПР от соседствующих с ним земель стран-суверенов - как от азиатской части СССР, так и от «Внутреннего» Китая.

Начало, современности в территориально-политическом развитии Амурского района можно датировать 80-ми годами XX столетия. Его отметил процесс быстрого и многопланового улучшения отношений между КНР и СССР-Россией, который продолжается и поныне — уже под знаком межгосударственного стратегического партнёрства. Это естественным образом скрепляет исторически сложившееся политико-географическое единство АИПР. Однако, данный процесс, который объективно следует рассматривать как позитивный, протекает на фоне внутрирайонного усиления китайской составляющей и ослабления российской.

Дисбаланс в этом отношении уже столь велик, что вопрос о его выравнивании является для современной России, путём наполнения "полезным содержанием" своего сектора АИПР, одной из важнейших геостратегических задач.

Важным итогом работы стало выявление неразрывной связи между эволюцией внутренней территориально-политической структуры Амурского района и историческим ходом политических процессов-событий в его пределах. При этом удалось установить, что их зависимость носила обоюдный характер: насколько предметно-пространственный компонент влиял на характер проявления и течения действенной составляющей, настолько и сам он видоизменялся под её воздействием. В результате, эта взаимосвязь и стала причиной формирования строго "индивидуализированного" облика изучавшейся территории.

Несмотря на богатое политическими потрясениями прошлое, Амурский район мало изменил свою первичную типическую характеристику. Начав историческое развитие в конце III тысячелетия до НЭ многоядерным статичным целостным образованием, в современность он вступил, изменив лишь последнюю из своих типических характеристик на рассечённость.

Такую перемену для района с длительным территориально-политическим развитием можно расценивать как умеренную, обусловленную наличием столь специфического внутреннего качества, как гибкая устойчивость, которую мы определяем как сочетание консервативности внутренней структуры с её способностью к восприятию видоизменений укрепляющего характера.

Очевидно, что обладание этим качеством не только обеспечило возможность длительного существования АИПР как объективной политико-географической данности, но и вполне может послужить основой его сохранения в таком качестве и на всё обозримое будущее.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Дано определение исторической политической географии как специальной области познания и идентифицировано её место в системе географических наук.

2. Уточнено её предметное содержание.
3. Найдены нижний и верхний рубежи её познавательной компетенции.
4. Разработаны общие принципы построения специальной периодизационной шкалы.
5. Определены условия, предпосылки, факторы и механизм исторического политико-географического районообразования.
6. Выявлены: разрешающие условия, предметная основа и принципы исторического политико-географического районирования. Предложена районная классификация территорий.
7. Сформулировано понятие об исторической политико-географической структуре и её функциональных элементах, определен характер их взаимодействия друг с другом. Разработана специальная районная типология.
8. Обосновано выделение Амурского историко-политического района, разработана модель его структурного наполнения, эволюция которой прослежена на протяжении четырёх тысячелетий.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Историческая политическая география Амурского района. - Биробиджан: изд. ИКАРП ДВО РАН, 2000. - 275 с.
2. Исторический и социально-экономический разделы в книге: Еврейская автономная область. Энциклопедический словарь / Отв. ред. В.С. Гуревич. - Хабаровск: Риотип, 1999. - С. 14-26,26-33.
3. Разделы «Население и культура», «Хозяйство», «Материалы для справок» в книге: Еврейская автономная область / Под ред. Ф.Н. Рянского. - Биробиджан: изд. ИКАРП ДВО РАН, 1992. - С. 45-78, 79-131,132-149.
4. Jews and cossaks in the Jewish Autonomus Region // Refuge. - 1992, Vol.12 №12, P. 19-21.

5. Приамурье — специфика геополитического положения / Дальний Восток: территория, природа, люди. Доклады региональной научно-практической конференции. - Биробиджан: изд. БГПИ, 1997, ч. I. — С. 3-11.
6. Территориальный аспект российско-китайского военно-политического сотрудничества в XIX веке / Россия и Китай: интеграция в сфере экономики, науки и образования. Сборник научных трудов - Биробиджан: изд. БГПИ, 1998, ч. V. - С. 64-69.
7. Рубежность, как ведущий фактор географического положения Приамурья/ Территориальная справедливость, региональные конфликты и региональная безопасность. Сборник научных трудов. - Смоленск: изд. СГУ, 1998, ч. I. - С. 107-108.
8. Борьба и партнёрство в решении Амурского вопроса // Власть и управление на востоке России. - 1998. - № 3. - С. 53-60.
9. Геополитический аспект географического положения Приамурья // Известия РГО. - 1999, т. 131, вып. 2. - С. 49-54.
10. К вопросу о выделении Амурского геополитического пространства / Н.М. Пржевальский и современное страноведение. Сборник научных трудов. - Смоленск: изд. СГУ, 1999. - С. 173-175.
11. География туземной государственности в бассейне Амура // Власть и управление на востоке России. - 1999. - № 1(6). - С. 83-89.
12. Личностный фактор в становлении российской государственности в Приамурье / Доклады X научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск: изд. Института географии СО РАН, 1999.-С. 180.
13. О взаимосвязи формирования территории России и её судьбы с геолого-геоморфологическими и географическими особенностями Евразии// Региональные проблемы. — 1999. - № 3-4. - С. 83-87.
14. Амурское геополитическое пространство / Материалы II Гродековских чтений. - Хабаровск: Частная коллекция, 1999.-С. 156-158.

15. Онуфрий Степанов как преемник Е. Хабарова в деле формирования территории России в Приамурье / Российское Приамурье: история и современность. Сборник научных трудов.'- Хабаровск: изд. ПГО, 1999.-С. 24-27.
16. Стратегическое партнёрство России и Китая на пороге III тысячелетия. Сборник научных трудов. - Биробиджан: изд. ИКАРП ДВО РАН, 1999.-С. 6-11.
17. Население Среднего Приамурья в XVII веке в период его русско-маньчжурского раздела / Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Сборник научных трудов. - Благовещенск: изд. АмГУ, 1999, вып. IX. - С. 32-34.
18. Амурский рубеж - результат агрессии или сотрудничества? // География в школе. - 1999. - № 8. - С. 26-30.
19. Догосударственная внутренняя территориально-политическая структура владений приамурских аборигенов / Человеческое изменение в региональном развитии. Доклады V международного симпозиума. - Биробиджан: изд. ИКАРП ДВО РАН, 2000. - С. 294-299.
20. Восстание Ихэтуань и территориально-политические интересы России/ Боксёрское восстание 1900 года. Сборник научных трудов. - Владивосток: изд. ПО РГО, 2000. - С. 44-50.
21. Территориально-политические объединения аборигенов Амурского бассейна в древности и раннем Средневековье: внешнеполитические приоритеты / Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Сборник научных трудов. - Благовещенск: изд. АмГУ, 2001, ч.1. - С. 35-40.
22. Предисторическая территориально-политическая структура племён Приамурья // Региональные проблемы. - 2001. - № 5. - С. 103-106.
23. Историко-географическая реконструкция аборигенной освоенности Амурского бассейна в Добохайское время/ Материалы III Гродековских чтений. - Хабаровск: изд. ДВГНБ, 2001. - С. 11-13.

24. О выделении Амурского историко-политического района/ География Азиатской России на рубеже веков / Материалы XI научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. - Иркутск: изд. Института географии СО РАН, 2001. - С.27.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение

Часть I. Теоретико-методологическая основа исследования

Глава-1. Общие проблемы развития теории исторической политической географии

1.1. Место исторической политической географии в системе географического познания и её предметное содержание

1.2. Временная периодизация в исторической политической географии

1.3. Историческое политико-географическое районообразование

1.4. Основы районирования и классификации территорий в исторической политической географии

1.5. Внутреннее структурирование исторических политико-географических районов и их типология

1.6. Краткий обзор общих проблем исторического политико-географического картографирования

Глава-2. Структурная эволюция Амурского историко-политического района в пространстве и Времени

2.1. Первичная основа выделения Амурского района

2.2. Общие тенденции пространственно-временной эволюции АИПР

2.3. Методика проектирования и составления исторических политико-географических карт Амурского района

Часть II. Историческая динамика территориально-политической структуры Амурского района

Глава-3. Устойчивость структуры в Доимперский период

3.1. Комплекс периодов Сушень

3.2. Этапы Илоу и Мохэ

Глава-4. Структурная деградация в Имперском периоде

4.1. Этап Бохай

4.2. Этапы Цзинь и Великого запустения

4.3. Нерчинский этап

Глава-5. Структурная реабилитация в течении Айгуньского этапа

Нового периода

5.1. Айгуньский этап, Преддоговорная и Договорная фазы

5.2. Фаза Противоречивых тенденций, стадии Хаоса и Первого противостояния

5.3. Фаза Противоречивых тенденций, стадии Партнёрства и Второго противостояния

5.4. Краткий обзор современности

Заключение

Литература

Приложение

Шведов Вячеслав Геннадьевич

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Автореферат

Лицензия № 020096 от 22.09.97
Формат 60x80 1/16. Усл. печ. л. 2,87
Печать офсетная
Тираж 120 экз.
Бумага типографская.
Заказ №01/2004

Отпечатано в печатном цехе
Биробиджанского государственного педагогического института
по адресу: г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а, к.310,
тел.: 6-42-82, 6-01-07

€-2963